

Этнография и этнополитика

О предмете исследования

Инал-ипа Наала

С исчезновением с политической карты мира Советского Союза исчезла и “новая историческая общность” – *советский народ*. На территории России, как и на всем постсоветском пространстве осталась совокупность этнических групп.

Причины случившегося глубоки и многообразны. Однако вряд ли когда-нибудь будет подвергаться сомнению факт, что одной из причин социального коллапса, постигшего великую державу, были накопившиеся межэтнические противоречия. Сейчас во всех государствах, образовавшихся на месте СССР, в том числе и в России, эти противоречия выдвинулись на первое место в числе дестабилизирующих факторов.

Межэтнические отношения требуют безотлагательного и эффективного регулирования со стороны политической системы государства. Однако выяснилось, что надлежащая научная база для этого отсутствует. Ведь в советской, интернационалистской по сути, теории и государственной практике не подвергалось сомнению утверждение о том, что при социализме исчезает объективная основа для межэтнических (межнациональных) противоречий, и социалистические нации, движимые объективной исторической необходимостью, утрачивая различия, сливаются в единой общности.

Несомненно, в работах ряда советских исследователей были зафиксированы ценные этнографические данные, касающиеся народов, проживавших на территории СССР, однако идеологический подтекст не мог не влиять на обобщения и выводы советских ученых.

Западной этнографией была создана весьма подробная и многоцветная этническая картина мира, рисующая уклад жизни, обычаи и нравы народов, населяющих планету. Однако, сами по себе благополучные страны Запада либо моноэтнические по своему составу, либо с иной этно-территориальной структурой, чем в СССР, не сталкивались, за редким исключением, с межнациональными проблемами, которые угрожали бы самому существованию государства, и потому смотрели на них, как на нечто чуждое цивилизованному миру.

“Вплоть до недавнего времени, – писал по этому поводу Д.Хоровиц, – область этнических отношений была тихой заводью в обществоведении, и первым ответом на возрастающую волну этнических конфликтов была трактовка последних как эпифеноменов”¹.

Даже в случае известных конфликтов с давней историей, таких, например, как баскский или североирландский европейские эксперты предпочитали видеть причину не в межнациональных противоречиях, а в другом (подчеркивался религиозный, экономический или иные аспекты).

Источники межэтнических проблем до распада СССР не подвергались глубокому теоретическому анализу, и само их существование в границах “цивилизированного мира” оказалось огромной неожиданностью, когда совсем недавно на ночных улицах европейских городов запылали автомобильные стоянки. Только теперь и в Европе стали разделять озабоченность относительно высокой вероятности возникновения и разрастания этнических войн. Многим стало понятно, что человечество может из эпохи мировых войн перейти в эпоху войн этнических, идущих по всему миру.

Категория этнического: к истории вопроса

Что же такое этнос с точки зрения важнейших факторов современной расстановки политических сил, как фактор, угрожающий стабильности мирового порядка? В литературе существует разброс мнений по данному, теоретически фундаментальному вопросу.

В этнологии существует несколько определений *этноса* (этнического), обладающих теоретически значимыми различиями.

Определения:

– С.М.Широкогорова: “этнос – группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп, может быть названа этносом, племенем, народностью. Это и есть этническая единица, объект науки этнографии”²;

– Ю.В.Бромляя: Этнос – “исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)”³;

– Э.Д.Смита: Этнос – это “общность людей, имеющая имя, разделяющая мифы о предках, имеющая совместную историю и культуру, ассоциированную со специфической территорией, и обладающая чувством солидарности”⁴;

– конструктивистское определение, в частности, в интерпретации Ф.Риггса: этносы – это группы людей, которые, руководствуясь “побуждениями сердца”, способны “преследовать определенные цели или защищать свои интересы” и обладающие “коллективной природой, ... культурной основой и, соответственно, долгосрочными ценностными ориентациями, что очень важно для прогнозирования их политического поведения”, и что очень “ценится политическими партиями”⁵;

– “нигилистическое” определение, принадлежащее В.А.Тишковой, и в принципе, отрицающее объективность этнического⁶: “этносы... есть умственные конструкции, своего рода “идеальные типы”, используемые для систематизации конкретного материала... Они существуют исключительно в умах историков, социологов, этнографов... В действительности же... есть некое культурное многообразие, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры”.

Две науки и два предмета исследования

Если даже отбросить крайности этнического нигилизма, все равно придется констатировать, что единый предмет в науке этнологии исчез. Классическое примордиальное определение

этноса С.Широкогорова и конструктивистское определение, скажем, в изложении А.Риггса не совместимы ни в логическом, ни в практическом отношении.

Как применить, например, конструктивистское понимание этнического относительно тех этносов, которые не имеют собственного самоназвания (например, некоторые племена Новой Гвинеи), не говоря уже об отсутствии представлений о политических партиях⁶?

В указанном случае этнограф будет руководствоваться примордиальным определением С.Широкогорова, не прибегая даже к уточнениям Ю.Бромлея. Становится очевидным, что практического этнографа и теоретика-конструктивиста этнос интересует с совершенно разных сторон: этнографа – с точки зрения *объективных* языковых, культурных, территориальных и т.д. различий, конструктивиста – с точки зрения политических потенциалов, коренящихся в сугубо *субъективных* симпатиях-антипатиях представителей данной общности.

В данном случае мы имеем дело не с одной, а с двумя науками, составляющими в совокупности этнологию, каждая из которых обладает своим собственным *предметом исследования*.

Это, с одной стороны, классическая *этнография*, изучающая бытовые и культурные особенности, проблемы происхождения, расселения и культурно-исторических взаимоотношений народов мира, а с другой – только-только отделяющаяся от этнографии новая дисциплина – *этнополитика*, теоретические основы которой, очевидно, формируются на базе конструктивизма.

Предмет этнополитики, как и она сама по себе, еще не в полной мере стал объектом научной рефлексии. Поэтому, руководствуясь лишь кругом проблем, стоящих в центре внимания этнического конструктивизма, можно попытаться определить этнополитику, как *научную дисциплину, изучающую политический потенциал этнических общностей и политические средства использования этого потенциала*.

В рамках такого понимания предмета исследования, теоретические построения конструктивизма приобретают несомненный научный интерес и практическое значение.

Определенные сложности вызывает тот факт, что этнополитика, несомненно, – прикладная, практическая дисциплина, поэтому ее предмет трудно описать в объективных понятиях, как то подобает “истинной” науке.

Неучет этого обстоятельства вызывает порой длительные споры и неконструктивные попытки отрицания самой реальности такой “необъективной” науки.

Различая этнографию и этнологию, первую можно условно определить как науку о настоящем существовании этнических групп с точки зрения их исторического прошлого. В самом деле, этнограф, изучающий сегодняшний уклад жизни, обычаи, обряды, мифы, языковые идиомы и т.д., носителем которых является этническая группа, смотрит на них через призму необходимости, в силу которой они когда-то возникли, через призму их исконного смысла и той первоначальной роли, которую они когда-то играли в повседневной жизни народа⁸.

В отличие же от этнографии, этнополитику можно определить как науку о будущем этноса с точки зрения настоящего. Ведь здесь, если смотреть на этнос с позиции конструктивизма, он выступает субъектом определенной политической воли, носителем некоторой политической цели. Воля – фактор настоящего – посредством группового политического действия движет этнос к цели – к некоторому будущему состоянию. Вот это-то будущее и пытается предвидеть этнополитика как теоретическая дисциплина; на это будущее и пытается воздействовать этнополитика как политическая методология и технология.

С точки зрения указанных различий, этнография и этнополитика – независимые области исследования. Однако сразу же следует оговориться, что эта независимость весьма условна и относительна.

С одной стороны, трудно себе представить этнографическое самописание этнической группы, независимое от политических претензий этой группы, от ее реального места в раскладе политических сил данного общества.

Как не без оснований полагает В.Тишков: “Конструирование прошлого в культурных терминах представляет собою процесс выборочной организации прошлых событий для обеспечения преемственности с современным субъектом идентификации. ... Идентичность – это, прежде всего, вопрос обретения власти (empowerment) в ее широком значении слова (легитимность, статус, полномочия и даже право на насилие)”⁹.

Даже если в приведенной цитате преувеличивается политизация этнографических данных для общего случая, очевидно, в каждом частном случае это преувеличение будет тем меньше, чем больше политических амбиций несет в себе групповое сознание субъектов этнографической идентификации – представителей данного этноса.

Каких масштабов может достигать “конструирование политически потребного прошлого” свидетельствует небольшой отрывок из статьи турецкого историка Текина Аьпа, в которой он пишет как на самом деле творилась история турецкого народа: “Кемаль Ататюрк ... считал, что пора всему миру понять, что турецкая история ... восходит к XII тысячелетию до Христа. Была предписана новая всеобщая мобилизация.

Весь турецкий народ с тем же порывом, и как всегда, двинулся под руководством своего вождя к завоеванию своего прошлого, к завоеванию своей собственной истории, ... провозглашенных Ататюрком исторических истин. Кампания еще не

закончилась, но полученные результаты достаточны для подтверждения этих истин ... Родина турецкого народа находится в Центральной Азии, в области, простирающейся от Байкала ... к бассейну Ители ... и Каракоруму.

В те времена, когда остальное человечество жило в пещерах и вело самый примитивный образ жизни, турки уже были достаточно цивилизованы, чтобы использовать дерево и металл (речь идет о древнем каменном веке! – Авт.)

... Историки, археологи и антропологи могут сколько угодно спорить по поводу этнического происхождения того или иного древнего народа, включаемого в историческую генеалогию турецкой нации. Однако кемалистская Турция прочно хранит свои ретроспективные завоевания ... С 1930 года каждый турецкий школьник постигает, что настоящие турки не те, что были поработены чужестранцами, ... а скорее те, которые впервые заложили основы цивилизации в Центральной Азии за тысячи лет до христианской эры и распространили ее затем в разных частях света”¹⁰.

Признавая это, следует признать и то, что непредвзятая интерпретация “объективных” данных этнографии вряд ли возможна без теоретических нейтральных “разъяснений” этнополитики.

С другой стороны, невозможно понять политические устремления этноса без полной информации о его обычаях и нормах, ценностях и установках, то есть того, что изучает именно этнография.

В самом деле, “политическая воля”, “политическая цель” – это состояния группового сознания, вещи, хотя и субъективные, но вполне реальные, а потому и определенно детерминированные. И опознать эти детерминанты, мобилизующие групповую волю и задающие ей цели, нельзя иначе, чем обратившись к истории этнического сознания, к его легендам и преданиям, к подвигам героев, к сакральному смыслу обрядов и традиций, к тайным свидетельствам языка. И в этом отноше-

нии этнополитика целиком зависит от этнографии, как, впрочем, и от истории.

Итак, этнополитика, как можно опередить ее в первом приближении, – это наука, которая, используя эмпири-

ческую базу этнографии, пытается описать в настоящем вероятную картину будущего, созданного групповой политической волей и групповой политической целью представленных в обществе этносов.

Этнос в моноэтничном государстве

Этнос как объект этнополитики, как группа, обладающая особенными групповыми политическими целями – это, очевидно, часть нации, идентифицирующая себя по этническому признаку.

Идентификация этой группы не совпадает с национальной идентификацией, ее групповые цели не совпадают с национальными интересами (то есть с интересами доминирующей национальной партии). Иными словами, политически мобилизованный этнос не находит в приоритетах существующего государства реализации своих интересов.

Мобилизацию этноса, то есть превращение его в субъект политического действия, можно рассматривать, таким образом, как ино-идентификацию, как субъективное противопоставление членов этнической группы всей остальной нации по рубежу “*мы – они*”, а своих групповых интересов – государственным интересам (“*их интересы – не наши интересы*”).

Можно считать, что опыт моноэтничных наций (моноэтничных государств в расширенном смысле), подтверждает тезис о связи мобилизации этноса с отсутствием национальной

идентификации (то есть с ино-идентификацией). Хотя в современном мире давно уже нет этнически “чистых” государств, в качестве их исторической “тени” можно назвать, например, Японию или Норвегию¹¹.

В этих и подобных случаях название государства производно от самоназвания единственного этноса, а этноним и натоим здесь совпадают. Чаще всего в моноэтничном государстве этнос не может противопоставлять себя нации в качестве субъекта политического действия, поскольку он и есть та самая нация, обладающая государственностью.

Таким образом, если этнос самоидентифицирует себя как нацию (“воплощение этноса в нации”), то это делает невозможной его мобилизацию и превращение в субъект политической деятельности. С другой стороны, очевидно, что, во-первых, нация может быть мобилизована как единая политическая сила против внешнего политического противника; и, во-вторых, гражданин как частное лицо может быть мобилизован под каким-нибудь политическим лозунгом в рамках какой-то политической партии, не противопоставляющей себя нации.

Этнос в полиэтничном государстве

Если нация состоит из многих (больше одного) этносов, возникает совершенно иная ситуация. Вопрос о мобилизации этноса, о его превращении в субъекта политического действия, противопоставляющего себя нации, а сво-

их интересов – национально-партийным интересам, зависит исключительно от того, *идентифицируют ли себя члены этнической группы в качестве членов нации*, считают ли они национальное государство – *своим государ-*

ством, а себя, хотя бы номинально – суверенным источником власти в этом государстве.

Следует сказать, что в современном мире существует много полиэтничных (по советско-российской терминологии – “многонациональных”) государств, в которых по крайней мере на сегодняшний день отсутствуют признаки этнической мобилизации.

В качестве примера можно привести современную Германию, оставив, правда, за рамками рассмотрения непростой вопрос взаимоотношения государства с иностранной рабочей силой, структурированной по этническому признаку.

Если же иметь в виду только немецкую нацию как совокупность граждан государства, то эта нация полиэтнична (а государство – федеративно), она включает в себя в качестве этнических групп баварцев, саксонцев, тюрингцев, франконцев и проч. Однако представители указанных этносов на первое место устойчиво ставят национальную идентификацию (*Deutsch*), то есть в первую очередь воспринимают себя как “немцев”, и лишь во вторую – как уроженцев федеральных земель. Соответственно по крайней мере в XX в., несмотря на две национальные катастрофы, в Германии не зафиксирована мобилизация какого-нибудь этноса.

Трудно назвать всю совокупность причин, позволяющую представителям различных этносов в той или иной стране воспринимать – идентифицировать – себя как представителей единой нации, как граждан единого государства. Скорее можно попытаться определить основные причины, вытекающие из характера национального государства, по которым подобная идентификация может стать невозможной.

Анализ этих причин, можно начать с констатации, что каждый гражданин полиэтничного государства обладает двумя идентичностями: этнической и национальной.

Этническая идентификация в современных демократических обществах,

как правило, является сугубо личной идентичностью человека наряду с вероисповеданием, половой ориентацией и т.д., и лишь в редких случаях, как, например в СССР, она имела официальный статус наряду с гражданством и вписывалась отдельным пунктом в паспорт. Однако, как известно, в новом российском паспорте данная запись исчезла, оставив этническую идентичность делом совести гражданина.

Напротив, *национальная идентичность* (то есть принадлежность к нации) всегда официальна, от нее нельзя отказаться: она присваивается по факту гражданства и “выдается” вместе с паспортом гражданина данного государства. И хочет этого гражданин или не хочет, но предъявляя национальный паспорт, он представляется им по национальному имени – натоному: я – американец (француз, россиянин...).

Таким образом, в полиэтничном государстве каждый гражданин, называющий себя этническим именем, должен принять и другое имя – национальное, а в определенных случаях и называться им.

Так, если национальное имя – натоном – образовано от имени другого этноса, входящего в нацию, тогда самоидентификация представителя другого этноса в соответствии с натоном равносильна отказу от своей этнической идентичности, что в иных случаях субъективно приравнивается к отказу от веры, от родства, и даже – предательству. Если такая ситуация возникает, то национальное имя – натоном – табуируется для самоназвания членов этнической группы.

Другим фактором, объективно препятствующим национальной идентификации граждан полиэтничного государства, является государственный (национальный) язык. Граждане единой страны в силу объективных обстоятельств (единства системы образова-

ния, права, экономики и т.д.) должны говорить на одном языке. И если этот язык опять же является родным языком какого-то другого этноса, входящего в нацию, тогда это обстоятельство сразу же делит нацию на две части: “истинных” носителей национального языка (литературы, культуры и т.п.), и “иноязычных” граждан, как бы “приобщающихся” к национальной культуре.

Это деление имеет и экономические, и социальные последствия, поскольку человек, хуже владеющий государственным языком, с меньшей вероятностью переходит в вышележащий социальный слой; а добиться языкового равенства представителю меньшинства труднее – по крайней мере ему нужно выучить два языка¹². И “средний” класс (его еще называют “мелкой буржуазией”) этнического меньшинства (учителя, врачи, служащие и т.д.), чье экономическое процветание целиком зависит от знания письменного языка, в общем случае не выдерживает конкуренции со стороны языкового большинства.

Но главным препятствием для национальной идентификации представителей этнической группы в рамках полиэтничного государства является этнократический характер государства.

Этнократия представляет собой тот порядок, когда национальная партия контролирует государственную власть, составленную из представителей доминирующей этнической группы, и всегда выбирает в качестве национальных интересов интересы доминирующего этноса. При этом партию следует понимать именно как политически мобилизованную (в данном случае по этническому признаку) часть нации, а не как зарегистрированную политическую партию.

Этнополитические отношения в Российской Федерации представляют собой сложную многоуровневую систему, функционирующую под влиянием самых различных факторов. Проявления этнорегионализма и этносепаратизма стали след-

Очевидно, если государство приобретает этнократический характер, национальная идентификация для представителей этнических групп, не входящих в доминирующий этнос, становится практически невозможной. Государство не только не воспринимается ими в качестве “своего”, но, напротив, воспринимается чуждой силой, потенциально угрожающей безопасности и благополучию этнических меньшинств.

Вплоть до начала 60-х годов XX в. наиболее яркий пример этнократического (и расово-сегрегированного) государства представляли собой Соединенный Штаты Америки. И по своему этническому (расовому) составу, и по этнической (расовой) политике, получившей название джимкромизма (в честь рабовладельца-расиста), институт американского государства представлял машину для откровенного подавления цветного этнического меньшинства в интересах белого этнического большинства. Подавление в данном случае принимало самые разнообразные формы: от “судебного убийства” до элементарного “бытового удобства”: если белым было “неудобно” жить с цветными в одном квартале или ездить в одном вагоне метро, принимался местный закон, запрещающий последним селиться за установленной чертой или входить в вагон с надписью: “Только для белых”, и т.п. Вся Америка была, по сути, расчерчена, на своего рода “резервации”, где отдельно жили белые, черные и т.д.

Деление по этнорасовому признаку и ныне пронизывает всю удостоверяющую личность документацию в США, где обычно фигурируют пять категорий: евроамериканцы, афроамериканцы, мексиканцы (латино), азиатскоамериканцы и коренные американцы¹³.

ствием многих причин. В этом ряду следует назвать такие факторы, как слом административно-командной системы управления страной, отсутствие у политического руководства четкой концепции этнической и региональной политики, многочисленные попытки разыграть в политических целях “этническую” и “региональную” карту, всплеск этнического самосознания в обществе¹⁴.

Отечественная наука испытывала огромную потребность теоретического осмысления связи этнической идентичности и политической мобилизации человеческих общностей, анализа тех факторов, которые все чаще вовлекают этнические группы в экстремистские националистические движения, угрожающие порой не только государственному, но и мировому порядку. Очевидно, что для современной многоэтничной России подобные исследования имеют особое значение.

Примечания

- ¹ *Horowitz D.* Ethnic Groups in Conflict. Berkley, etc., 1985. P. 13.
- ² *Широкогоров С.М.* Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток, 1922. Он же. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Известия восточного факультета Дальневосточного университета. Вып. XVIII. Т. 1. Шанхай, 1923. С. 13.
- ³ *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 58..
- ⁴ *Smith A.D.* The ethnic origins of nations. New-York: Oxford, 1986. P. 30.
- ⁵ *Riggs F.F.* (ed). Ethnicity. INTERCOSTA Glossary. Concepts and Terms Used in Ethnicity Research. Honolulu: International Social Science Council, 1985. P. 12.
- ⁶ *Тишков В.А.* Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 7–8.
- ⁷ *Крюков М.В.* Еще раз об исторических типах этнических общностей // Советская этнография. 1986. № 3. С. 66.
- ⁸ *Громов Г.Г.* Методика этнографических экспедиций. М., 1966.
- ⁹ *Тишков В.А.* Политическая антропология. М.-Омск, 2001. С. 10–11.
- ¹⁰ *Alp T.* The Restoration of Turkish History // Nationslism in Asia and Africa. Ed. by Elie Kedurie. New York; Cleveland: The World Publishing Company, 1970. P. 207–224.
- ¹¹ *Riggs F.* Ethnonationalism, Industrialism and Modern State // Third World Quarterly. Vol. 15. No 4. 1994. P. 598–599.
- ¹² *Hobsbawm E.* Nations and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality. Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 1990. P. 114–121.
- ¹³ *Hollinger D.* Postethnic America. Beyond multi-culturalism. New-York: Basic Books, 1995.
- ¹⁴ *Татуни С.А.* Этносоциология. М.:МАЛП, 1999.